

Статьи и публикации

В.С. Аксёнов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСУ ОСВОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЕМ ХАЗАРИИ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Создателями и носителями салтово-маяцкой культуры, как показывают работы археологов, были различные народы, входившие во второй половине VIII – первой половине X вв. в состав Хазарского каганата. Однако, несмотря на десятилетия полевых и кабинетных исследований, далеко не все вопросы современного салтововедения разрешены убедительно и однозначно. Так, например, недостаточно разработана проблема освоения лесостепного Подонцовья народами, входившими в состав Хазарского каганата.

В геополитическом отношении бассейн верхнего течения Северского Донца представлял собой отдельный самостоятельный регион - Северо-Западную Хазарию [Афанасьев, 1993, с. 6; Тортика, 2006, с. 8–9]. Археологические памятники именно этого региона (Верхне-Салтовский и Маяцкий комплексы) послужили отправной точкой при выделении в начале XX века салтово-маяцкой

археологической культуры [Бабенко, 1905, с. 434–464]. К середине XX века, в результате накопления данных о распространении тех или иных памятников, была сформулирована гипотеза о наличии в салтово-маяцкой культуре нескольких локальных вариантов. В числе первых были выделены лесостепной и степной варианты. Необходимость именно такого деления была вызвана различным этническим составом населения выделенных вариантов, что проявлялось в наличии различных погребальных обрядов [Ляпушкин, 1958, с. 145–148]. Упрощенная схема деления культуры на варианты подразумевала, что лесостепь была населена аланами, носителями катакомбной погребальной обрядности, а степь – праболгарами, с которыми исследователи долгое время связывали погребения по обряду труположения в простых грунтовых ямах, иначе называемые «зливкинским» типом погребений [Плетнева, 1967, с. 186].

Выделенный лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры первоначально считался заселенным исключительно аланским населением, так как на могильниках региона преобладали ингумационные погребения, совершенные в катакомбах [Бабенко, 1905а, с. 547–577; Покровский, 1905, с. 465–491]. Эти погребения совершенно справедливо были соотнесены с аналогичными захоронениями VIII–IX вв., исследованными на Северном Кавказе [Спицын, 1909, с. 70–71, 73; Готье, 1930, с. 86].

В середине XX в. в стройную схему деления («лесостепной аланский» – «степной болгарский» варианты СМК) потребовалось вносить некоторые изменения, так как в лесостепной зоне в непосредственной близости от аланских катакомбных некрополей региона были выявлены могильники с ямным обрядом погребения. Так, в 1959 г. был открыт и исследовался в течение 3 лет Нетайловский могильник [Березовец, 1962, с. 22], а в 1973 г. – Волоконовский [Плетнева, Николаенко, 1976, с. 279–298]. Позднее – в результате активных археологических работ на территории Харьковской и Белгородской областей – было открыто значительное количество ингумационных некрополей, погребальными сооружениями в которых являлись простые грунтовые ямы. На сегодняшний день в границах лесостепного варианта СМК таких могильников известно 13 (что, кстати, превышает количество собственно катакомбных могильников). Указанные ингумационные могильники изучены неодинаково. На некоторых из них раскопано

по несколько погребальных комплексов, на других – более полутысячи захоронений (например, на Нетайловском некрополе на сегодня исследовано 525 погребений). При этом наиболее полно исследованными считаются Волоконовский и Мандровский могильники, часть которых погибла в результате антропогенной деятельности, а сохранившиеся части были раскопаны до конца [Плетнева, Николаенко, 1976; Винников, Сарапулкин, 2008]. В то же время, наиболее крупные из известных на сегодняшний день некрополей – Нетайловский и Ржевский – исследованы только частично [Аксёнов, 2009, с. 231–258; Аксёнов, 2010, с. 14–15; Аксёнов, Хоружая, 2005, с. 199–215; Сарапулкин, 2006, с. 195–203].

Специфические черты ямного ингумационного погребального обряда, представленные на могильниках региона, указывают на неоднородность его носителей. По внутримогильным конструкциям и традициям использования посуды в погребениях исследователи склонны выделять две группы памятников. К первой из них относят Волоконовский, Ржевский, Нетайловский, Красногорский некрополи, в погребениях которых использовались деревянные гробы разной конструкции, а посуда была представлена преимущественно столовыми сосудами, которые располагались как в головах, так и в ногах погребенных людей [Плетнева, Николаенко, 1976, рис. 4, 5; Сарапулкин, 2006, с. 202, рис. 2, 3; Михеев, 1990, с. 48–49; Аксёнов, 2002, с. 6–17; Аксёнов, Хоружая, 2005, рис. 1: 7, 8, 11; 2: 1, 5, 7; 8; 9]. Для этой группы могильников также характерно было сопровождение погребений людей целой тушей коня, его шкурой (черепом и костями ног) или предметами конского снаряжения [Аксёнов, Крыганов, Михеев, 1996, с. 116–129; Аксёнов, 2012, с. 207–242; Сарапулкин, 2006, с. 196, рис. 2]. Ко второй группе памятников исследователи относят Мандровский, Утиновский, Тишанский могильники. В погребениях этой группы деревянных гробов нет, а в захоронениях преобладают кухонные сосуды «степного» облика, всегда ставившиеся за головами покойников [Сарапулкин, 2009, с. 293]. Генезис второй группы некрополей исследователи склонны связывать со степным населением Среднего Подонцовья, т.е. с праболгарами. В то же время, особенности погребального обряда памятников первой группы (а именно, присутствие в ногах погребенных людей целых туш коней или их частей) позволяют сделать вывод о поволжских (тюрко-угорских) корнях данного населения [Сарапулкин, 2006, с. 203–204; Аксёнов, 2012, с. 221–

223]. Подобные наблюдения позволяют говорить о полиэтничности болгарского компонента салтово-маяцкой культуры Верхнего Подонцовья [Аксенов, Тортика, 2001, с. 191–218].

Еще одним народом, входившим в состав Хазарского каганата и представленным в Верхнем Подонцовье, являлись носители кремационного погребального обряда. Погребения по обряду трупосожжения представлены как отдельными погребениями и поминальными комплексами [Кухаренко, 1952, с. 33–50; Дегтярь, 1984, с. 239–243], так и могильниками [Кухаренко, 1951, с. 99–108; Шрамко, 1983, с. 48–50; Аксенов, Воловик, 1999, с. 34–40; Аксёнов, Михеев, 2006; Лаптев, Аксьонов, 2012, с. 95–109; Свистун, 2012, с. 79–84; Свистун, Квитковский, 2013, с. 118–121]. Наиболее полно изученным и опубликованным памятником является могильник у с. Сухая Гомольша, содержащий 312 кремационных захоронений и 17 поминальных комплексов [Аксенов, Михеев, 2006, с. 8–71].

Комплексы начального этапа становления салтовской культуры в настоящее время выделяются исследователями в хронологический горизонт Столбище–Старокорсунская (740–780 гг.) [Комар, 1999, с. 123–129; Комар, 2000, с. 42–66].

Первые поселения и могильники аланского населения, переселенного с Кавказа в восточноевропейскую лесостепь, по мнению С.А. Плетневой и ряда других исследователей, возникают в бассейне Северского Донца в 50-х–60-х гг. VIII в. [Плетнева, 1989, с. 168–169]. Однако в аланских погребальных памятниках удалось выявить немногочисленные комплексы раннесалтовского хронологического горизонта Столбище–Старокорсунская. Так, они были выделены А.В. Комаром на Дмитриевском катакомбном могильнике (кат. 3, 5, 26, 33, 52, 79, 143, 155) [Комар, 1999, с. 123–129]. Присутствуют они на катакомбных могильниках у с. Старый Салтов (кат. 7, 14, 15, 21, 22) и Рубежное (кат. 1, 4, 13, 15) [Аксенов, 1999, с. 141; Аксенов, 2001, с. 76; Комар, 1999, с. 123–129]. Элементы поясной гарнитуры, характерные для данного хронологического горизонта, были зафиксированы в катакомбе № 13 Верхне-Салтовского III-го катакомбного могильника (раскопки 1990 г. В.Г. Бородулина) [Аксенов, 2012а, с. 408–409]. Еще в двух катакомбах: № 54 ВСМ-I и № 19 ВСМ-III (раскопки В.Г. Бородулина) – были обнаружены бронзовые Т-образные фибулы с тремя шаровидными выступами на конце ножки [Аксенов, 2012а, с. 409]. В салтовских древностях подобные Т-образные фибулы были встречены только

на Старокорсунском некрополе [Каминский, 1987, рис. 10: 54], что позволяет видеть в них изделия, характерные именно для хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская [Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 20].

Одновременно с аланами, в середине VIII века, в бассейн Северского Донца попадает население, кремировавшее своих покойников. В целом ряде памятников: Тополи, Кицевка, Сухая Гомольша, Красная Горка – были найдены элементы поясной гарнитуры, характерные для горизонта Столбище-Старокорсунская [Белік, 2002, рис. 1; Кухаренко 1952, рис. 31: 2, 3, 9; Аксенов, Михеев, 2006, с. 130, рис. 30: 40; Лаптев, Аксьонов, 2012, рис. 8: 1, 4-7, 17; Колода, 2012, илл. 10: 3-6], а также такой хронологический репер раннесалтовских комплексов, как железные фибулы с завитком на конце [Кухаренко, 1951, рис. 31: 1; Дегтярь, 1984; рис. 1: 16; Комар, 2000, с. 52, рис. 4: 27].

В освоении бассейна Северского Донца вместе с аланами и носителями кремационного обряда приняли участие племена, практиковавшие ингумационный погребальный обряд с восточной ориентировкой покойников (Нетайловский грунтовой могильник) [Комар 2005, с. 213]. Так, материалы раскопок показывают, что комплексы раннесалтовского горизонта Столбище-Старокорсунская в наибольшем количестве представлены в нетайловских погребениях с восточной ориентировкой покойников (Рис. 1). Элементы поясной гарнитуры, характерные для этого времени, обнаружены в погр. № 132, 134, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498 [Белік, 2002, рис. 1; Комар, 1999, табл. 3: 125, 126, 141; Аксенов, 2010а, рис. 2: 11–14; 3: 14]. Аналогичные найденным в погребениях Нетайловского могильника элементы поясной гарнитуры в основном происходят из т. наз. «подкурганых захоронений с ровиками» VII – первой половины VIII вв. [Иванов, 2001, с. 118–131], отождествляемых с собственно хазарами [Плетнева, 1990, с. 82]. Из захоронений этого же могильника (погр. № 164 «Б», погр. № 249) происходят два византийских солида Константина V (751–757 гг.) [Белік, 2002, с. 16; Аксьонов, 2011, с. 95]. Учитывая незначительный период запаздывания подобных монет [Семенов, 1993, с. 94–95], данные солиды можно рассматривать как свидетельство интенсивных контактов хазар с Византией.

Рис. 1. Маркеры горизонта Столбище-Старокорсунская из погребений Нетайловского могильника.

1 – погр. № 139; 2 – погр. № 134; 3, 5, 6 – погр. № 164 «Б»; 4 – погр. № 250; 7 – погр. № 132; 8, 11, 12 – погр. № 215; 9, 10 – погр. № 267; 13 – погр. № 380; 14 – 16 – погр. № 413; 17 – 20 – погр. № 491; 21 – погр. № 498

Материалы исследования Нетайловского могильника в 2013 г. совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Харьковской государственной академии культуры дали новые данные о начальном этапе освоения бассейна Северского Донца представителями Хазарского каганата. Особый интерес представляют погребения воинов-всадников № 522 и № 525.

Погребение № 525 было совершено в грунтовой яме, которая на уровне фиксации (-1,0 м от уровня современной поверхности почвы) имела форму овала, ориентированного длинной осью вдоль линии восток – запад (азимут 90°). Размеры могильной ямы на уровне её обнаружения составляли 2,0 x 1,45 м. Верхние слои заполнения могильной ямы имели светло-серый цвет и состояли из материкового светло-желтого песка перемешанного с большим количеством супеси серого цвета. По мере приближения ко дну ямы, её заполнение изменяло свой цвет и становилось более светлым, что связано с уменьшением количества серой супеси в слоях заполнения. В слоях заполнения могильной ямы (до отметки -1,2-1,4 м от уровня современной поверхности) были обнаружены маловыразительные фрагменты салтовских сосудов: 11 фрагментов от столовых кувшинов с черной и светло-серой внешней поверхностью, 2 фрагмента стенок кухонного горшка.

Стенки могильной ямы имели наклон в сторону дна погребального сооружения. На глубине -1,5 м вдоль южной стенки ямы была зафиксирована ступенька шириной 0,2 м. На отметке -1,6 м от современной поверхности почвы стенки ямы переходили в горизонтальную площадку, которая в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами. Размеры этой площадки – 2,75 x 1,0 м. Вдоль центральной оси этой площадки располагалось углубление под захоронение человека. Это углубление в плане имело форму прямоугольника с закругленными углами, ориентированного своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад (азимут 90°). Размеры углубления под погребение человека составляли 2,64 x 0,7 м. при глубине 1,1 м. Стенки углубления вертикальные. Дно ямы находилось на отметке -2,63 м от современной поверхности почвы (Рис. 2).

На дне могильной ямы были зафиксированы останки человека в виде плохо сохранившегося черепа, лежащего в восточной части могильной ямы на удалении 0,06 м от торцевой и в 0,16 м от южной боковой стенок (Рис. 2: 1). Остальные кости скелета отсутствовали,

что, по нашему мнению, обусловлено особенностями грунта и той гидрологической ситуацией, которая сложилась в границах Нетайловского некрополя после создания здесь в 1961 г. Печенежского водохранилища [Аксенов, 2006, с. 59]. Вдоль южной боковой стенки ямы была зафиксирована полоска темно-коричневого цвета – остатки деревянного гроба-рамы, с толщиной стенок 2-3 см и высотой около 0,25 м. Погребальный инвентарь располагался на дне могильной ямы, так как если бы он лежал на теле человека. На расстоянии 0,95 м от восточной и в 0,15 м от южной стенок ямы лежала бронзовая поясная пряжка (Рис. 3: 2), развернутая щитком на юг. В 1,05 м от восточной стенки, вдоль южной стенки, в 0,08 м от неё, лежал железный наконечник копья бронзобойного типа длиной 30,5 см с остатками деревянного древка внутри втулки (Рис. 3: 5). Наконечник копья был направлен острием в восточном направлении. С запада к втулке копья примыкал железный черешковый нож в деревянных ножнах (Рис. 3: 6), обращенный кончиком лезвия к западной стенке ямы, и железный стержень длиной 13,4 см с остатками дерева по всей своей длине (Рис. 3: 4). Под втулкой наконечника копья был обнаружен железный трехлопастный

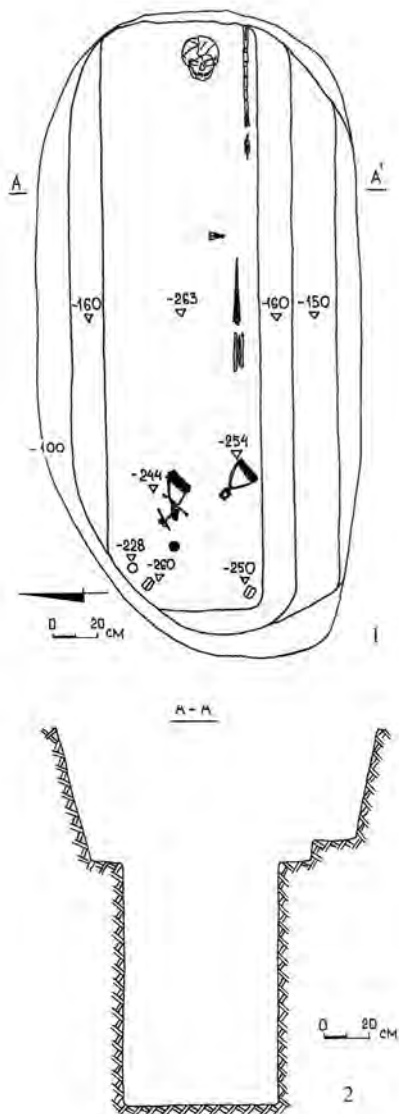

Рис. 2. План погребения № 525 Нетайловского могильника

наконечник стрелы (Рис. 3: 7), а под ножом – точильный брусок с отверстием для подвешивания (Рис. 3: 8).

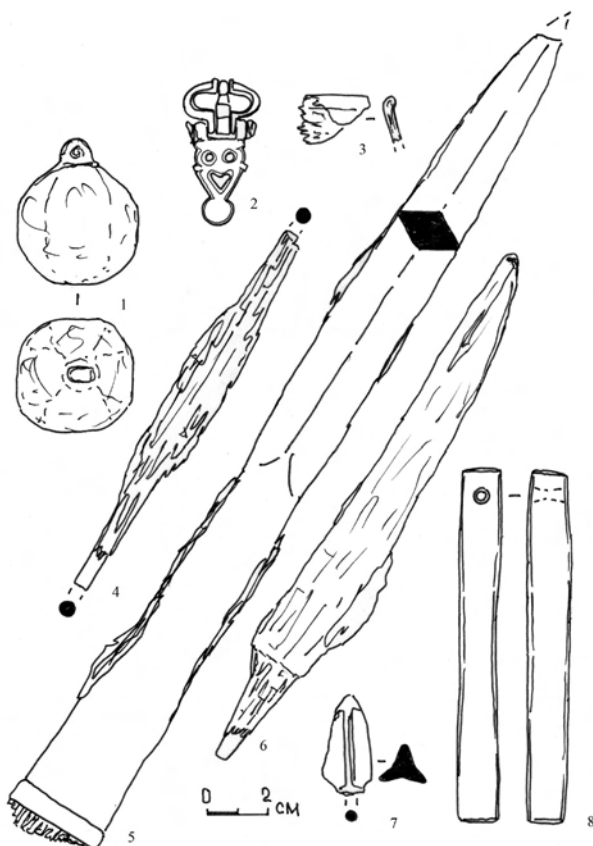

Рис. 3. Инвентарь погребения № 525.

1 – кистень; 2 – поясная пряжка; 4 – фрагмент венчика сосуда; 4 – стержень; 5 – наконечник копья;
6 – нож; 7 – наконечник стрелы; 8 – точильный брусок. 1, 4-7 – железо; 2 – бронза; 3 – дерево; 8 – камень

В западной части могильной ямы находились предметы конской сбруи. Часть из них располагалась на дне могильной ямы, часть – в её заполнении на высоте +0,09 – 0,2 м от дна. Так, тут были обнаружены: две стремена (Рис. 4: 7), удила с прямыми псалиями

(Рис. 4: 1), четыре сбруйные пряжки (Рис. 4: 3-6), сбруйное кольцо (Рис. 4: 2). На дне ямы, на расстоянии 0,29 м от северной и в 0,26 м от западной стенок, лежал железный кистень (Рис. 4: 1) и фрагмент венчика деревянного сосуда (Рис. 4: 3).

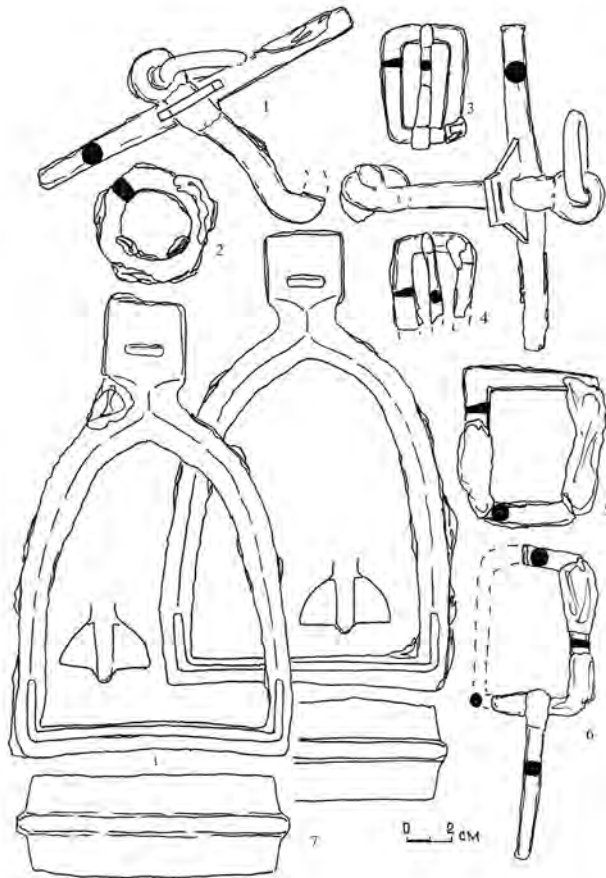

Рис. 4. Снаряжение коня из погребения № 525

В раскопанном захоронении погребальный инвентарь представлен вещами, находящими самые широкие аналогии в салтово-маяцких древностях. Так, аналогичные найденным предметы конского снаряжения хорошо представлены в памятниках аланского [Криганов, 1993, с. 57, рис. 1: 17, 18, 20; 2: 24, 26, 27]

и болгарского [Аксенов, Крыганов, Михеев, 1996, рис. 4: 1 -7, 13-16, 19-22; Красильников, 2009, рис. 8: 23–26; Сарапулкин, 2006, рис. 4: 13, 14, 18] населения Подонья, в степных погребальных комплексах, связываемых исследователями собственно с хазарами [Иванов, 2000, с. 8-9; Копылов, Иванов, 2007, рис. 5; 6: 1]. Подобные изделия являются неотъемлемой частью конского снаряжения в захоронениях воинов-всадников, которым принадлежат кремационные захоронения хазарского времени как в бассейне Северского Донца [Крыганов, 1989, рис. 1: 38-40, 45; 4: 1-3, 5, 7, 8, 10; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 10: 8; 18: 4, 5, 7; 20: 3, 4], так и в Кубано-Черноморском регионе [Дмитриев, 2003, табл. 89: 52, 54, 57, 58; 91: 1, 5, 11, 30; Гавритухин, Пьянков, 2003, табл. 73: 5, 6 10].

Конское снаряжение в исследованном захоронении сопровождалось достаточно показательным набором предметов вооружения – наконечником копья, наконечником стрелы, ножом, кистенем.

Найденный наконечник копья имеют длинную втулку и узкое ромбическое в сечении перо (Рис. 3: 5), что позволяет отнести его к пикам. Пики, подобные найденной, являются типичными для памятников салтово-маяцкой культуры [Михеев, Степанська, Фомін, 1967, рис. 1: 5 – 12]. При этом они более характерны для комплексов праболгарского населения хазарского времени [Сарапулкин, 2006, рис. 4: 7, 8; Пархоменко, 1983, с. 80, рис. 4: 1–3; Аксенов, Михеев, 2003, с. 184, рис. 3: 33; 5: 11, 30; 6: 6; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 113 – 115, рис. 24: 1–5], тогда как в аланских погребальных комплексах пики представлены пока единственным экземпляром [Крыганов, 1993, рис. 1: 6]. Достаточно часто встречаются подобные наконечники пик в салтовских кремационных погребениях Подонцовья [Крыганов, 1989, с. 102, рис. 3: 1, 2; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 19: 3; 41: 6; Аксенов, Воловик, 1999, рис. 1: 10; 2: 8; Свистун, 2012, илл. 5; 3; 8: 1, 2] и в кремациях хазарского времени с территории Северо-Западного Предкавказья [Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 89: 42-50]. В захоронениях типа «Соколовская балка», которые связываются с хазарами, подобные наконечники копий не известны [Иванов, 2000, с. 10-11].

Железный черешковый наконечник стрелы из захоронения № 525 по поперечному сечению относится к отделу трехлопастных, а по форме пера – к типу треугольных (Рис. 3: 7). Время существования подобных наконечников определяется достаточно широко – VIII–IX

вв. [Крыганов, 1989, с. 98]. Такие наконечники стрел встречаются на широкой территории от Южной Сибири до Болгарии [Худяков, 1986, рис. 96; Йотов, 2007, с. 29, табл. XXIII: 331–336]. У аланского населения салтово-маяцкой культуры подобные изделия составляют подавляющее большинство из всех найденных наконечников стрел [Крыганов, 1993, с. 53, рис. 2: 1]. Доминируют они и в составе наборов наконечников стрел у носителей салтовского ямного и кремационного погребальных обрядов бассейна Северского Донца [Крыганов, 1989, рис. 1: 1, 2; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 3: 35; 4: 10, 39, 41; 5: 7, 8, 35; Аксенов, Михеев, 2009, рис. 2: 4; 3: 6, 7, 11 – 13; 6: 7; 7: 11, 14]. Встречаются они и в памятниках степного Подонья, Среднего Поволжья хазарского времени [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, рис. 26: 1–6; Власкин, Ильюков, 1990, рис. 5: 6; Круглов, 1992, рис. 4: 12; Савченко, 1986, рис. 7: 11; Матвеева, 1997, рис. 115: 1], в кремациях Кубано-Черноморского региона [Дмитриев, 2003, с. 203, табл. 89: 1–4]. В целом же этот тип наконечников стрел был наиболее распространенным у населения салтово-маяцкой культуры.

Нож из рассматриваемого захоронения относится к достаточно распространенному в раннем средневековье типу черешковых ножей с прямой спинкой и криволинейным лезвием, которое в сечении имеет клиновидную форму (Рис. 3: 6). Разные по размеру ножи, подобные найденным, были широко распространены в VIII–X вв. на значительной территории – от Урала до Центральной Европы [Михеев, Степанська, Фомін, 1973, с. 91]. Ножи этого типа достаточно часто встречаются на памятниках разных народов, входивших в состав Хазарского каганата [Дмитриев, 2003, с. 204, табл. 90: 15–24; Плетнева, 1989, рис. 45]. Такие ножи могли использоваться и как обычные хозяйственные, и как боевые. Общая длина ножа из погребения № 525 – 19,0 см позволяет считать его боевым.

Кистень из погр. № 525 имеет шаровидную форму и слабо обозначенные ребра (Рис. 3: 1). В верхней части кистеня находится плоская петелька округлой формы. Общая высота кистеня составляет 4,9 см, диаметр его – 3,8 см. Железные кистени этого типа в салтовских древностях Подонцовья немногочисленны. А.В. Крыганов указал только лишь на одну находку кистеня этого типа – в катакомбном погребении Верхне-Салтовского могильника [Крыганов, 1987, с. 64, рис. 1: 12]. Более распространенными на всей территории существования салтово-маяцкой культуры Подонья

были железные кистени с долевым каналом [Крыганов, 1987, с. 63], которые встречаются в памятниках хазарского времени Кубано-Черноморского региона, Среднего Поволжья [Дмитриев 2003, с. 204, табл. 90: 26; Багаутдинов, Богачев, Зубов 1998, с. 115, рис. 24: 8]. А.В. Крыганов датировал железные кистени с петелькой IX–X вв. [Крыганов, 1987, с. 64], тогда как другие исследователи считают, что к середине VIII в. у хазар уже существовали все салтовские виды кистеней [Комар, Сухобоков, 2000]. По мнению А.В. Комара и О.В. Сухобокова железные обушки с долевым каналом могли использоваться как конными, так и пешими воинами, тогда как железные кистени с петелькой были оружием только воинов-всадников [Комар, Сухобоков, 2000]. Присутствие такого кистеня в погр. № 525 вместе с конским снаряжением может служить подтверждением данного тезиса. Позже (в XIX веке) на смену кистеням у кочевых народов, вероятно, пришли кожаные нагайки с железной оковкой на конце плети, которые были основным оружием при охоте, при похищении скота (быримты) и при военных столкновениях во время феодальных междоусобиц, когда главной целью было не убийство противника, а необходимость выбить противника из седла [Курылев, 1978, с. 10].

Состав вооружения в захоронении № 525, в совокупности с предметами конского снаряжения, указывает, что погребенный мужчина относился к разряду легковооруженных всадников. Отряды легковооруженных всадников были основой хазарского войска до начала VIII века. Позже главное место в войске хазар заняли тяжело вооруженные конные воины, в арсенале которых присутствовало защитное снаряжение, сабля, лук со стрелами, боевой топор, наконечник копья [Комар, Сухобоков, 2000].

Для определения времени совершения данного захоронения главную роль играет найденная в нем поясная пряжка. Поясная пряжка из погр. № 525 изготовлена из бронзы. Она шарнирная, имеет овальную профилированную рамку с обозначенными губами, язычок с выступом в задней части и щиток треугольной формы, заканчивающийся плоским выступом круглой в плане формы. Поле щитка украшено прорезным орнаментом в виде трех отверстий, два из которых имеют круглые очертания, одно – сердцевидное (Рис. 3: 2). Данная пряжка относится к византийским пряжкам типа «Коринф» варианта 2 [Айбабин, 1982, рис. 172, рис. 16, 17, 19]. Пряжки этого типа за пределами Крыма в памятниках хазарского

времени неизвестны. В памятниках Северо-Западного Крыма такие пряжки найдены в погребениях местного населения на могильниках Суук-Су, Бал-Гота, в склепах Узень-Баш, Эски-Кермена, «Сахарной Головки», Скалистинского некрополя Баклы [Айбабин, 1982, с. 172], на Керченском полуострове – в плитовой могиле на горе Митридат [Айбабин, 1999, с. 189]. Крымские погребальные комплексы, содержавшие поясные пряжки это типа, датируются второй половиной VIII в. [Айбабин, 1993, с. 126; Айбабин, 2003, с. 60, 61, табл. 37: 32, 33]. Именно этим временем и следует датировать погр. № 525 Нетайловского могильника.

Факт обнаружения византийской пряжки на могильнике салтовомаяцкой культуры, расположенном в лесостепи Донецко-Донского междуречья, является достаточно показательным, ибо она могла попасть к представителю кочевого населения лишь в местах, близких к местам её бытования. Пряжки типа «Коринф» варианта 2 во второй половине VIII века были распространены на территории Византии и прилегающих к ней областях [Айбабин, 1982, с. 172]. Именно поэтому пряжки этого типа находят на памятниках местного населения Северо-Западного Крыма и Боспора, которое находилось под властью и культурным влиянием Византии. Степные же районы Центрального и Восточного Крыма с конца VII века были заняты праболгарами, вытесненными сюда с территории Великой Болгарии в Приазовье хазарами [Айбабин, 1999, с. 190]. Именно в этих районах и мог представитель хазарской державы получить византийскую поясную пряжку, чтобы уже с ней спустя какое-то время оказаться далеко на севере – в бассейне Северского Донца. Политический разрыв между Византией и Хазарским каганатом, произошедший после заключения брака арабского наместника Восточного Закавказья Йазид ас-Сулами с дочкой хазарского кагана Хатун в 759/760 гг., сопровождавшийся и разрывом в области материальной культуры, указывает на граничную дату, когда византийская поясная пряжка могла попасть к представителю Хазарского каганата. По наблюдениям А.В. Комара, уже в 80-х годах VIII века на землях подвластных каганату появляются погребения с поясными наборами переходного салтовского горизонта I/II, а в 90-х годах VIII века – первые погребения «классического» салтовского хронологического горизонта, для поясных наборов которого характерен полный отход от византийской традиции и освоение салтовскими мастерами растительного лотосовидного

орнамента [Комар, 2001, с. 112]. Исходя из этого погребение № 525 Нетайловского могильника, содержавшее византийскую пряжку типа «Коринф» варианта 2, следует датировать не позднее 780 г. н.э. – этапом 2 хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская.

Захоронение № 525 по таким чертам погребального обряда: восточная ориентировка покойника; могильная яма с заплечиками; присутствие в могильной яме деревянного гроба-рамы и предметов конского снаряжения; отсутствие в могильной яме глиняной посуды, замененной деревянным сосудом – сближается с погребальными комплексами рядового населения «перещепинской» культуры второй половины VII – начала VIII вв. (погребения «сивашовского» типа) [Круглов, 2006, с. 77; Комар, 2001, с. 365], которые фиксируются в Северном Причерноморье и Прикубанье, т.е. в тех районах, где контакты кочевого населения с носителями византийской материальной культуры были достаточно тесными. Сходство погребения № 525 с комплексами «сивашовского» типа и присутствие в могиле византийской поясной пряжки подтверждают гипотезу А.В. Комара, что часть потомков «сивашовцев» основала поселение напротив Верхнего Салтова и оставило после себя Нетайловский грунтовой могильник второй половины VIII – начала IX вв. [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, с. 370; Комар, 2001, с. 32].

Развитие погребальной традиции «сивашовцев» в салтовское время можно наблюдать на примере второго исследованного в 2013 г. погребения конного воина - № 522.

Погребение № 522 было зафиксировано по пятну могильной ямы на глубине -0,8 м от уровня современной поверхности. На уровне зачистки пятно могильной ямы имело в плане форму прямоугольника с сильно закругленными углами, ориентированного своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 82°). Размеры могильного пятна на уровне зачистки составляли 3,75 x 1,82 м. В восточной части могильной ямы хорошо прослеживался преднамеренный вкоп в захоронение, совершенный еще в древности. Заполнение этого вкопа было темно-серым, местами черным по цвету и отличалось от светло-серого первоначального заполнения могильной ямы, фиксируемого в западном конце могильного пятна. Размеры преднамеренного вкопа в могилу на уровне зачистки составляли 3,05 x 1,82. Но уровне обнаружения могильного пятна в границах преднамеренного вкопа обнаружен крупный фрагмент салтовского

кухонного кувшина (Рис. 6: 11), выброшенный из захоронения. В заполнении вкопа до отметки -1,5 м от уровня современной поверхности почвы были встречены: 5 фрагмент от столового сосуда черного цвета; 3 фрагмент от столового сосуда темно-серого цвета; 2 фрагмента от столового сосуда светло-серого цвета; фрагмент венчика кухонного горшка (Рис. 6: 10); мелкие древесные угольки. Заполнение этого вкопа в могильную яму до самого её дна оставалось темно-серым по цвету, тогда как в западной части ямы фиксировался останец первоначального заполнения, цвет которого менялся от светло-серого, в верхней части ямы, до светло-светло-серого, почти не отличимого от окружающего светло-желтого материкового песка, у дна.

Стенки могильной ямы имели заметный наклон в сторону её дна. На глубине -1,8 м от уровня современной поверхности почвы они переходили в горизонтальную площадку, которая в плане имела форму прямоугольника с сильно закругленными углами. Размеры этой площадки – 3,2 x 1,15 м. В восточной части этой площадки находилось углубление под захоронение человека, прямоугольной в плане формы и ориентированное своими длинными сторонами вдоль линии восток – запад с незначительным отклонением к северу (азимут 82°). Длина углубления составляла 2,62 м, ширина 0,53 м, глубина 0,2 м. Таким образом, дно могильной ямы фиксировалось на глубине -2,0 м от уровня современной поверхности. Южная стенка этого углубления на длину 1,6 м, от восточного края к ногам человека, была разрушена позднейшим вкопом. На дне углубления были зафиксированы останки мужчины в виде плохо сохранившегося черепа и двух фрагментов длинных трубчатых костей (Рис. 5). Череп лежал в 0,45 м от восточной и в 0,14 м от северной стенок ямы. В 0,2 – 0,25 м к западу от него, параллельно друг другу, располагались две трубчатые кости человеческого скелета. В границах углубления под захоронение тела человека были найдены следующие предметы:

- на глубине -1,9 м от современной поверхности – в 0,96 м от восточной и в 0,4-0,43 м от северной стенок ямы под углом к её дну лежал железный наконечник копья бронебойного типа (Рис. 6: 5), обращенный острием пера в западный конец могилы;

- на этой же глубине – в 1,4 м от восточной и в 0,05 – 0,07 м от северной стенок найден железный нож в деревянных ножнах (Рис. 6: 7), обращенный острием лезвия в западный конец могилы;

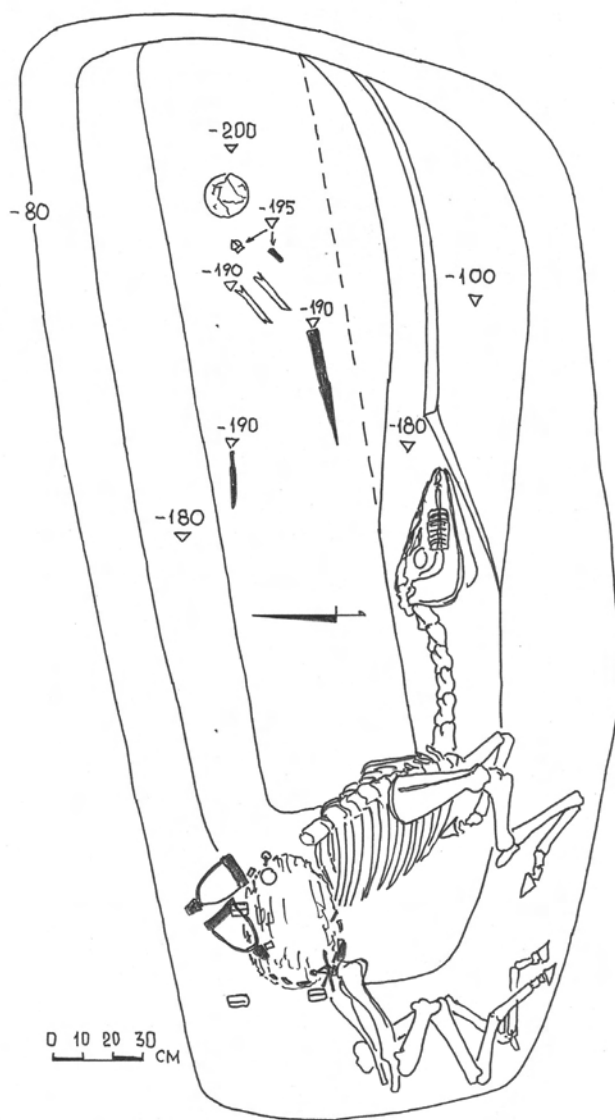

Рис. 5. План погребения № 522 Нетайловского могильника

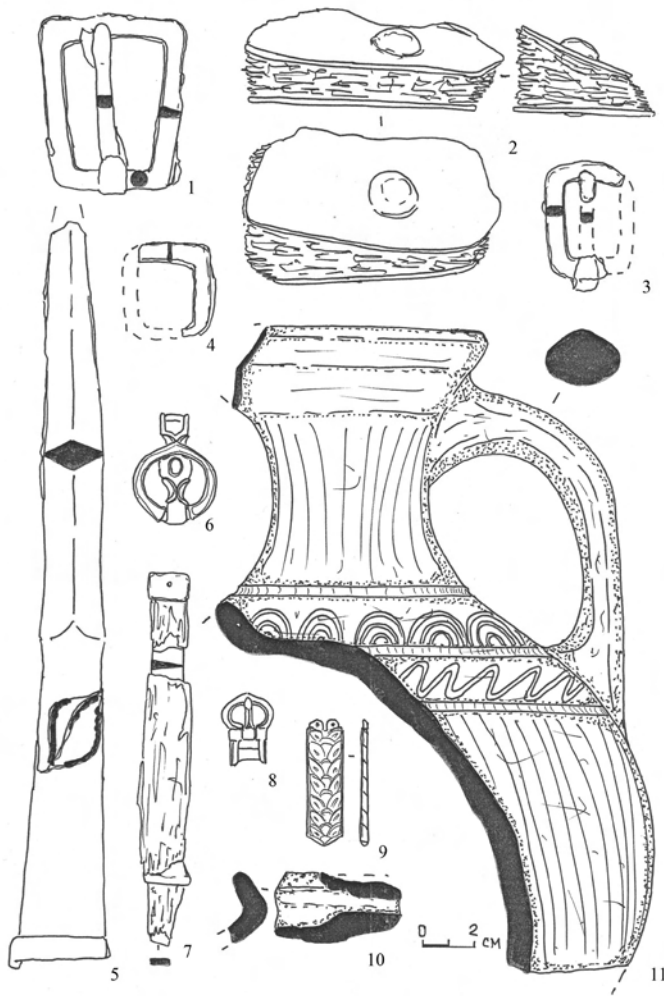

Рис. 6. Инвентарь погребения № 522.

1, 3, 4 – сбруйные пряжки; 2 – фрагмент полки седла с металлическими пластинами; 5 – наконечник копья; 6 – чумбурный блок; 7 – нож; 8 – поясная пряжка; 8 – наконечник поясного ремня; 9, 10 – керамика из заполнения могильной ямы. 1, 3-5, 7 – железо; 2 – дерево; 6, 8, 9 – бронза; 9, 10 – глина

- на глубине -1,95 м от современной поверхности – в 0,67 м от восточной и в 0,2 с от северной стенок ямы обнаружена бронзовая поясная пряжка (Рис. 6: 8);

- на этой же глубине – в 0,07 м к югу от поясной пряжки был расчищен бронзовый литой наконечник поясного ремня (Рис. 6: 9).

В западном краю горизонтальной площадки (на глубине -1,8 м от уровня современной поверхности) располагался костяк коня плохой сохранности (Рис. 5). Череп коня в районе лобной части разрушен – свидетельство нанесенного сюда удара, повлекшего за собой смерть животного. Конь покоился на левом боку с подогнутыми под себя конечностями, хребтом к ногам человека, шея вытянута. При этом шея коня располагалась параллельно боковой стенке углубления под захоронение человека, хребет коня частично перекрывает западный край углубления под захоронение человека. Череп коня, покоившийся на левой стороне, обращен храповой частью в ту же сторону, куда был ориентирован головой его умерший хозяин (на восток). Конь был захоронен не взнузданным и не оседланным. Остатки деревянного седла с железными оковками полок и луки (Рис. 6: 2; 7: 1-8) были обнаружены поверх костей поясничного отдела костяка коня. Здесь же располагались предметы конской сбруи, представленные тремя сбруйными пряжками (Рис. 6: 1, 3, 4); сбруйным кольцом (Рис. 7: 13); парой стремян (Рис. 7: 15); двумя пряжками-обоймами от ремней путалища (Рис. 7: 12); двумя маленькими пряжками от ремней путалища (Рис. 7: 10, 11); удилами с прямыми псалиями (Рис. 7: 9); бронзовым чумбурным блоком (Рис. 6: 6). Предметы конского снаряжения располагались возле северной стенки ямы, поверх костей коня на отметке +0,05 – 0,2 м от дна горизонтальной площадки.

Предметы конского снаряжения, наконечник копья и нож имеют те же аналогии, что и подлобные предметы из выше рассмотренного погребения № 525. Однако, элементы поясной гарнитуры из данного захоронения соответствуют следующему хронологическому этапу развития салтово-маякой культуры.

Пряжка из погребения № 522 литая, треугольнорамчатая с щитком в виде рамки прямоугольной формы. Ширина щитка равна по ширине рабочей части пряжки (Рис. 2: 8). Подобными пряжками (тип 2 по С.А. Плетневой) были снабжены поясные ремни, обнаруженные в катакомбах № 5, 54, 83, 88, 98, 143 Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 77, рис. 86]. А.В. Комар считает,

что поясные пряжки данного типа характерны для погребальных комплексов салтовского переходного хронологического горизонта I/II, датируемого исследователем концом VIII в. – 780–800 гг. н.э. [Комар, 1999, табл. 4: 9, 10; с. 129, 132]. Этим же временем датируется и происходящий из погребения № 522 литой наконечник поясного ремня, поле которого украшено орнаментом в виде мирового дерева, состоящего из цветов лотоса (Рис. 2: 9) [Комар, 1999, табл. 4: 23, с. 129, 132]. Таким образом, погребение № 522 по присутствующим в нем элементам поясной гарнитуры может быть датировано 780-800 гг. н. э.

В погребении № 522 мы наблюдаем развитие обычая помещать целую тушу коня головой в ту же сторону, что и человек, на перекрытие могильной ямы, характерного для «сивашовцев». Так, если в п. 2 к. 3 Сивашовки (третья четверть VII в.) конь, лежащий на левом боку, полностью покоится на перекрытии могильной ямы человека [Комар, Кубышев, Орлов, 2006, рис. 3], то в погр. № 3 Рябовки (вторая половина VII в.) тело коня смещается к ногам погребенного человека, и над человеческими останками располагается только передняя часть коня [Обломский, Терпиловский, 2001, рис. 9: 6–8]. В погребении № 522 целая туша коня уже покоится в ногах человека на специальной площадке, и конь при этом лишь частично перекрывает самый край захоронения человека, как это имеет место в погребении № 522 (Рис. 5). Во всех представленных случаях конь покоится на левом боку с подогнутыми под себя ногами, а его голова лежит на левом виске и обращена храпом в сторону человека. Смещение конских останков к ногам человека, за пределы захоронения человека, вероятно, следует рассматривать как факт проявления заботы о покойнике, которая со временем в захоронениях Нетайловского могильника выразилось в обычай помещать целый костяк коня в ногах человека перпендикулярно телу хозяина на особой площадке овальной в плане формы, из-за чего могильная яма приобретала грушевидную или Т-образную в плане форму, или же в специальных нишах-подбоях, сделанных в короткой стенке могильной ямы с захоронением человека [Аксёнов, 2012, с. 209, рис. 1, 2]. При этом конь мог покоиться и на левом, и на правом боку, но храпом во всех случаях он был обращен, как и предполагал первоначальный обряд, к телу хозяина, т.е. в ту сторону, куда был ориентирован головой умерший хозяин.

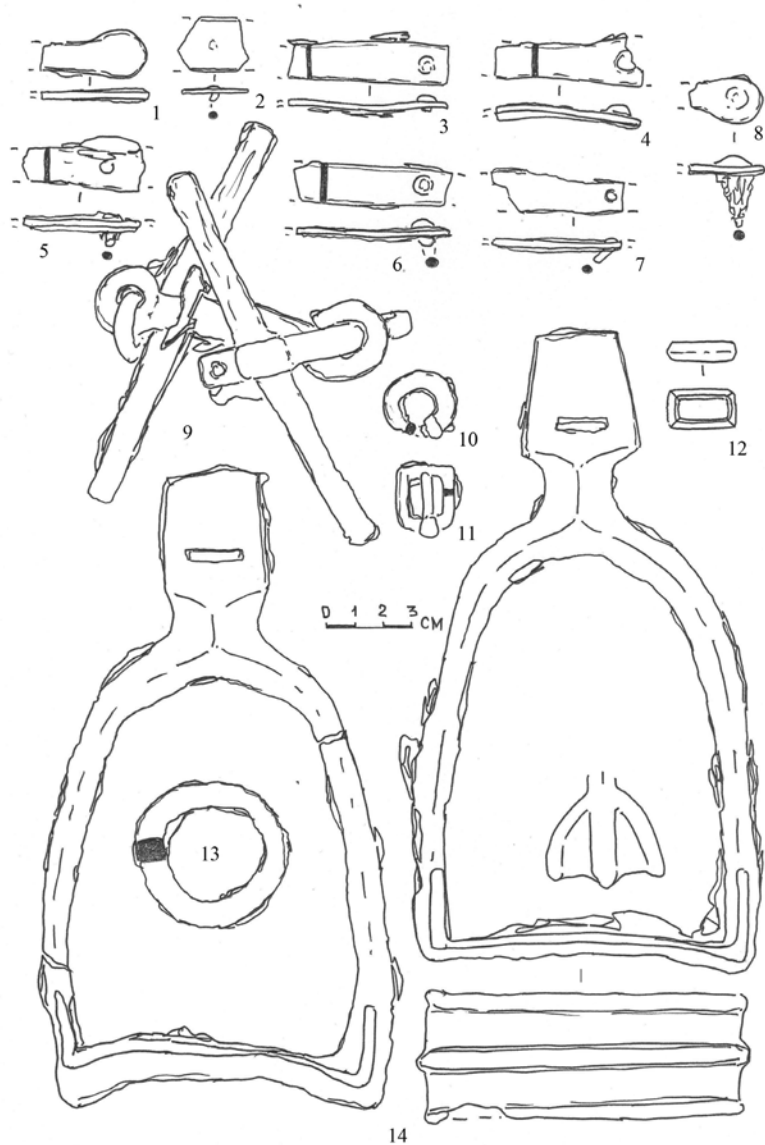

Рис. 7. Инвентарь погребения № 522.

1–8 – оковки седла; 9 – удила; 10, 11 – пряжки; 12 – пряжка-обойма; 13 – сбруйное кольцо; 14 – стремена. 1-11, 13, 14 – железо; 12 – бронза

Таким образом, открытое в 2013 г. погребение № 525 пополняет число погребальных комплексов Нетайловского могильника (№ 132, 134, 139, 164 «Б», 215, 250, 267, 380, 413, 491, 498), которые датируются раннесалтовским горизонтом Столбище-Старокорсунская [Аксенов, 2010, с. 174], а погребение № 522 показывает трансформацию некоторых черт погребального обряда «сивашовцев» у их потомков в условиях формирования новой этнической общности на этапе становления в бассейне Северского Донца салтово-маяцкой археологической культуры.

Литература

Айбабин А.И. Погребения конца VII – первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи великого переселения народов. М, 1982.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Айбабин А.И. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2003.

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. 1999. № 2.

Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. 2001. № 1–2.

Аксенов В.С. Деревянные конструкции могильника салтовской культуры Красная Горка // *Хазарский альманах*. Т. 1. Харьков, 2002.

Аксенов В.С. Погребальный обряд Нетайловского могильника (VIII–IX вв.) // *РА*. 2006. № 2.

Аксёнов В.С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовой могильник) // *Степи Европы в эпоху средневековья* Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Аксёнов В.С. Исследования Нетайловского могильника салтовской культуры // *Археологічні дослідження в Україні*. К. – Полтава, 2010.

Аксенов В.С. Новые раннесредневековые погребальные комплексы Северо-Западной Хазарии // *Древности* 2010. Харьков.

2010а.

Аксёнов В.С. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 9. Хазарское время. Донецк, 2012.

Аксенов В.С. Фибулы из захоронений Нетайловского могильника как индикатор ранней группы личных украшений салтовского населения Подонцовья // *Хазарский альманах*. Т. 10. К.–Харьков, 2012а.

Аксёнов В.С. Поховання 472 Нетайлівського могильника салтівської культури // *Археологія*. 2011. № 1.

Аксенов В.С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подонечье // *Донская археология*. 1999. № 3–4.

Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // *Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. К., 1996.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // *Vita antiqua*. 2003. № 5–6.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // *Хазарский альманах*. Т. 5. К. –Харьков, 2006.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.

Аксенов В.С., Тортика А.А. Протоболгарские погребения Подонья и Придонечья VIII–X вв.: проблема этноисторической интерпретации и поливариантности обряда // *Степи Европы в эпоху раннего средневековья*. Т.2. Донецк, 2001.

Аксенов В.С., Хоружая М.В. Новые раннесредневековые захоронения Нетайловского могильника (раскопки 2002–2004 гг.) // *Хазарский альманах*. Т. 4. К. –Харьков, 2005.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения Среднего Дона. М., 1993.

Бабенко В.А. Древние Салтовские придонецкие окраины южной России // *Труды XII АС*. Т.1. М., 1905.

Бабенко В.А. Раскопки катакомбного могильника в Верхнем

Салтове, Волчанского уезда, Харьковской губ. // Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в г. Екатеринославе. Харьков, 1905а.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.

Белік О.О. Поясні набори горизонту Столбіще-Старокорсунська з поховань лісостепоного донського варіанту салтівської культури (до проблеми хронології) // Історія науки: проблеми розвитку. Матеріали Міжнародної наукової конференції 17–18 травня 2002 р. Луганськ, 2002.

Березовець Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959–1960 гг. // КСИАУ. 1962. Вып. 12.

Винников А.З., Сарапулкин В.А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж, 2008.

Власкин М.В., Ильюков Л.С. Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маньча // СА. 1990. № 1.

Гавритухин И.О., Пьянков О.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.–Л., 1930.

Дегтярь А.К. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. 1984. № 2.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII вв. М., 2003.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганские кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2000.

Иванов А.А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Йотов В. Въръжението и снаряжението от Българското средновековие (VII–XI век). Варна, 2007.

Каминский В.Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА. 1987. № 4.

Колода В.В. Ещё одна группа салтовских артефактов из Сухой

Гомольши // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. 1999. № 2.

Комар А.В. Горизонт Столбище-Старокорсунская и некоторые вопросы возникновения салтовской культуры // *Finno-Ugrica*. 2000. № 1.

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма)*. Т. 2. Самара, 2001.

Комар А.В., Кубышев А.И., Орлов Р.С. Погребения кочевников VI–VII вв. из Северо-Западного Приазовья // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.

Комар А.В., Сухобок О.В. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // *Восточноевропейский археологический журнал*. 2000. № 2(3) – март, апрель / [www. archeology.kiev.ua / journal / 020300 / komar_sukhobokov. html](http://www.archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_sukhobokov.html)

Копылов В.П., Иванов А.А. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // *Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона*. Вып. II. М. –Иерусалим, 2007.

Красильников К.И. Население степного Подонцовья в хазарское время // *Дивногорский сборник*. Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009.

Криганов А.В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // *Археологія*. 1993. № 2.

Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // *СА*. 1987. №2.

Крыганов А.В. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 1989.

Круглов Е.В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // *СА*. 1992. №4.

Круглов Е.В. О «курганах с квадратными ровиками» и проблеме этнической атрибуции погребальных памятников хазарского времени // *Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне*. Тезисы докладов. М., 2006.

Курылев В.П. Оружие казахов // *Сборник МАЭ*. 1978. Т. 34.

Кухаренко Ю.В. О некоторых археологических находках на Харьковщине // *КСИИМК*. 1951. Т.XLI.

Кухаренко Ю.В. Новопокровський могильник і поселення //

Археологія. 1952. Т. 6.

Лаптев О.О., Аксьонов В.С. Салтово-маяцький кремаційний могильник біля с. Кицівка на Харківщині // Археологія. 2012. № 4.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА. 1958. № 62.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

Міхеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Зброя салтівської культури та її виробництво // Питання історії народів СРСР. Вип.4. Харків, 1967.

Міхеев В.К., Степанська Р.Б., Фомін Л.Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. 1973. Вип. 9.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // АЛЛУ. 2001. № 1.

Пархоменко О.В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII–IX ст. // Археологія. 1983. № 43.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 146.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева С.А. Хазарские проблемы в археологии // СА. 1990. № 2.

Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.

Савченко Е.И. Крымский могильник // АОН. Вып. 1. М., 1986.

Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

Сарапулкин В.А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.

Семенов А.И. О датированных способностях византийских солидов VII–VIII вв. // II-я Кубанская археологическая конференция. Тезисы. Краснодар, 1993.

Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Чугуево-Бабчанского лесничества (предварительная информация) // СМАК. Вип. 2. Харків, 2012.

Свистун Г.Е., Квитковский В.И. Кремации в прямоугольных ямах на Кочетокском могильнике // СМАК. Вип. 3. Харків, 2013.

Спицин А.А. Историко-археологические разыскания. I–III. // ЖМНП. Новая серия. Ч. 19. Январь. 1909.

Тортика А.А. Северо-западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Шрамко Б.А. Погребения VIII–X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Список сокращений:

АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України

АОН – Археологические открытия на новостройках

АС – Археологический съезд

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

КСИАУ – Краткие сообщения Института археологии АН УССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СМАК – Салтово-маяцька археологічна культура

В.С. Аксьонов

Нові матеріали до питання освоєння населенням Хозарії басейну Сіверського Дінця

Резюме

У 2013 р. на Нетайлівському ґрунтовому могильнику були досліджені два поховання, що належали кінним воїнам. В обох похованнях були представлені предмети озброєння: наконечники

списів броневийного типу; наконечник стріли (№ 525); обушок (№ 525); ножі. У похованні № 522 чоловіка супроводжував цілий кінь, котрий лежав у ногах господаря на лівому боці з підігнутими під себе ногами та повернутий головою у ту ж саму сторону, куди був орієнтований головою його хазяїн. На кістках поясу коня були зафіксовані залишки дерев'яного сідла з металевими окуттями та покладені зверху предмети кінського спорядження (вудила, стремена, збройні пряжки, чумбурний блок тощо). Елементи поясної гарнітури з цього поховання дозволяють датувати його 780–800 рр. н.е. Чоловіка з поховання № 525 супроводжували лише предметі кінської зброї, котрі розташовувалися у ногах небіжчика. За візантійською поясною пряжкою типу «Корінф» 2 варіанту це поховання, на нашу думку, слід датувати не пізніше 780 р. н.е. Таким чином, поховання № 525 з візантійською пряжкою типу «Корінф» репрезентує комплекс останнього етапу ранньосалтівського хронологічного горизонту Столбище-Старокорсунська (740–780 рр. н.е.), а розташоване поряд з ним поховання № 522 – вже салтівський хронологічний горизонт I/II (780–800 рр. н.е.).

Ключові слова: салтово-маяцька культура, Нетайлівський могильник, поховання, поясна гарнітура, горизонт Столбище-Старокорсунська.

В. С. Аксёнов

Новые материалы по вопросу освоения населением Хазарии бассейна Северского Донца

Резюме

В 2013 г. на Нетайловском грунтовом могильнике были исследованы два захоронения, которые принадлежали конным воинам. В обоих захоронениях были представлены предметы вооружения: наконечники копий броневойного типа; наконечник стрелы (№ 525); обушок (№ 525); ножи. В захоронении № 522 мужчину сопровождал целый конь, который лежал в ногах хозяина на левом боку с подогнутыми под себя ногами и был повернут головой в ту же сторону, куда был ориентирован головой его хозяин. На костях пояса коня были зафиксированы остатки деревянного седла с металлическими обрамлениями и положены сверху

предметы конского снаряжения (удила, стремяна, военные пряжки, чумбурный блок и т. п.). Элементы поясной гарнитуры из этого захоронения позволяют датировать его 780–800 гг. н. э. Мужчину из захоронения № 525 сопровождали лишь предметы конской сбруи, которые располагались в ногах покойника. По византийской поясной пряжке типа «Коринф» 2-го варианта это захоронение, по нашему мнению, следует датировать не позже 780 г. н. э. Таким образом, захоронение № 525 с византийской пряжкой типа «Коринф» представляет комплекс последнего этапа раннесалтовского хронологического горизонта Столбище-Старокорсунская (740–780 гг. н.э.), а расположенное рядом с ним захоронение № 522 – уже салтовский хронологический горизонт I/II (780–800 гг. н. э.).

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Нетайловский могильник, захоронение, поясная гарнитура, горизонт Столбище-Старокорсунская

V.S. Aksyonov

New Material on the Issue of Settling of Population in Seversky Donets Basin from Khazaria

Summary

In 2013, at Netaylovskii ground burial were investigated two graves belonging to the warriors – riders (No. 522 and 525). In both graves have been found items of arms: spears, arrowheads (No. 525); bludgeon (No. 525); knives. In the burial No. 522 the warrior was buried together with a male horse, laid at the feet of the master on the left side with doubled up legs and its head facing the same direction in which the man's head also was directed. At the coupling of the horse there were remains of a wooden seat with metal ferrules, and here were put the items of horse equipment (bits, stirrups, buckles of harness, etc.). Elements of this coupling accessories from this burial allow us to date it 780-800 AD. A man from the burial No. 525 was together with the objects of harness only, put in at man's feet. According to the Byzantine belt buckle of the "Corinth" type, variant 2, this burial, we believe is possible to date no later than 780 AD. Thus, burial No. 525 with the Byzantine buckle of the "Corinth" type represents the last phase of the early Saltovskiy chronological horizon Stolbische-Starokorsunskaya (740-780 AD), and

next to it the burial No. 522 - Saltovskiy chronological horizon of the I/ II (780-800 AD).

Key words: the Saltovo-Mayatshaya culture, Netailovsk sepulcher, burials, waist suite, the Stolbiche-Starohorsynshaya horizon.